

Элеонора Шафранская Ташкент Мелетинского

*...Я был полон страстных, несбыточных мечтаний
устроиться в Ташкенте.*

Е.М. Мелетинский

Ташкент в пространстве России/СССР за время с конца XIX в. по финал XX в. существовал не только как географическая «точка», но и как топос с устойчивым мифологическим «шлейфом»: тепло, сытно-«хлебно», город «дружбы народов» (в советской терминологии), «южные ворота» империи (как одной, так и другой). Ну и, конечно, базары-ишаки, плов-дыни и пр.

На рубеже XIX–XX вв. Ташкент в русском сознании маркировался как маргинальный город — теплая ссылка на окраину империи (среди «ссылных» имена А.Ф. Керенского, А.Л. Бенуа, Великого князя Николая Константиновича, Черубины де Габриак и др.).

Иная стадия Ташкента — XX век. Город превращается в спасительный локус в периоды катаклизмов уже другой империи. В экстремальные времена — голода, войны — в город стекаются народы со всех концов страны. Среди знаменитых имен — А. Ахматова, Н. Мандельштам, С. Михоэлс, Е. Булгакова, Н. Погодин, И. Уткин и др., мэтры

**Элеонора Федоровна
Шафранская**
Московский гуманитарный
педагогический институт

литературоведения — В.М. Жирмунский¹, В.Ф. Шишмарев², Б.С. Мейлах³, И.З. Серман⁴.

Среди них оказался и никому тогда не известный Елезар Моисеевич Мелетинский, впоследствии выдающийся российский ученый с мировой славой — литературовед, фольклорист.

Находясь в качестве переводчика в действующей армии на Кавказе, Е.М. Мелетинский в сентябре 1942 г. был арестован за «антисоветскую агитацию в военное время», а по сути за то, что оказался в окружении и чудом спасся, прорвавшись к своим. После отсидки в тбилисской пересыльной тюрьме, почти через год, в мае 1943 г., он был освобожден и, истощенный, решил ехать в Ташкент (ему казалось, что его родные эвакуировались именно туда). «Спутал — к счастью, и это многое определило в моей последующей судьбе, в том числе научной», — вспоминает Мелетинский [Мелетинский 1998: 499].

За время существования города как «русского» Ташкента он непременно сопровождался определением «хлебный»: «Верно говорить... в Средней Азии не умрешь, в Средней Азии можно прожить. Сам я там не был, а вот мой друг Тихонов — был. Он говорит: идешь, идешь, видишь — кишлак, а в нем киззяками печку топят, и выпить ничего нет, но жратвы зато много: акыны⁵, саксаул...⁶ Так

¹ Жирмунский Виктор Максимович (1891–1971) — литературовед, фольклорист. Основные труды Жирмунского посвящены вопросам общей фольклористики, сравнительно-историческому изучению фольклора, странствующим сюжетам, литературным отношениям Востока и Запада. Во время эвакуации, возглавляя в Ташкенте Научно-исследовательский историко-филологический институт (НИИФ) при Среднеазиатском государственном университете (САГУ, позже ТашГУ), читал лекции на филологическом факультете, вел семинары по готскому, древнеисландскому языкам.

² Шишмарев Владимир Федорович (1874–1957) — филолог, переводчик. Занимался проблемами литературы европейского средневековья, а также романскими языками. Во время Великой Отечественной войны Шишмарев находился в эвакуации в Ташкенте, был прикомандирован к Институту мировой литературы, являлся уполномоченным Президиума АН по Узбекистану (1942–1945).

³ Мейлах Борис Соломонович (1909–1987) — литературовед, пушкинист. В начале 1942 г. в должности старшего научного сотрудника Института русской литературы Мейлах эвакуируется в Ташкент, где возглавляет Ташкентское отделение Института и руководит кафедрой русской литературы в САГУ. В Ташкенте он защищает диссертацию на степень доктора филологических наук (1944).

⁴ Серман Илья Зеликович (род. в 1913) — литературовед, историк русской литературы. Труды Сермана посвящены исследованию русской литературы XVIII–XX вв. (работы о Ломоносове, Тредиаковском, Пушкине, Батюшкове, Лермонтове, Тургеневе, Достоевском, Зощенко). В 1956–1976 гг. Серман — научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский дом), с 1976 г. профессор кафедры русской и славянской филологии Еврейского университета в Иерусалиме. Во время эвакуации защитил в Ташкенте диссертацию о «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского, здесь же познакомился и женился на Руфи Зениной (впоследствии — писательница Руфь Зернова). Илюша Серман «стал моим ближайшим другом, — вспоминает Мелетинский. — Илюша окончил Ленинградский университет и был учеником Г.А. Гуковского, но испытал и некоторое влияние московского марксо-гегельянства. Это влияние очень сказывалось в его только что защищенной в Ташкенте, в САГУ, диссертации о „Преступлении и наказании“ Достоевского» [Мелетинский 1998: 514].

⁵ Акын — поэт-певец-импровизатор.

⁶ Саксаул — кустарниковое растение пустыни — пища для верблюдов.

он там и питался почти полгода: акынами и саксаулом. И ничего — приехал рыхлый и глаза навывкате...» [Ерофеев 1990: 81] (Ерофеевский рассказчик — Веничка — использует тюркоязычные слова не по назначению: по принципу — «каждое лыко в строку», раз они связаны с Азией); «Вышел на улицу Мишка, мужики Ташкент поминают. Хлеб очень дешевый там, только добраться трудно» [Неверов 1961: 5]; «Опять мужики на улице говорили про Ташкент. Кружились в мыслях около невиданного, слушали про сады виноградные, дразнили себя пшеницей двух сортов: поливной и богарной. Цены невысокие. Рай! <...> Как в сказке стоял перед ним Ташкент — город хлебный. Сады виноградные — во! Шутя можно урюку карман нарвать» [Там же: 9].

Ташкент «обогрел», «накормил» и измученного допросами, тюрьмой, долгими военными скитаниями Елезара Моисеевича. «Цветущая земля <...> обеспечивала и несколько бóльшую сытость по сравнению с большинством других мест. В городе было пять или шесть богатых и пестрых восточных базаров, где можно было за деньги купить все, начиная с бесконечных и разнообразных ароматных овощей и фруктов, всевозможных окороков, плова, баранины вплоть до засекреченных билетов, заготовленных для школьных экзаменов. Фрукты в сезон стоили дешево и очень нас поддерживали» [Мелетинский 1998: 512]. Мелетинский как один из «информантов» — голосов некоего фольклорного « хора » — тиражирует стереотипы в описании Города. Узбекские дворы, деревья, высаженные вдоль дорог, арыки с журчащей водой, мир базаров, запах лепешек, шашлыка, самсы, доносящийся из многочисленных чайхан и ошхан («чойхона» и «ошхона» — по-узбекски, т.е. чайная и столовая), — все эти приметы города неизгладимо запоминаются всем побывавшим в Ташкенте.

Ташкенту как культурно-природному пространству присуща особая био- и семиосфера. Одним из знаков этого пространства представляется «арык». Единственный возможный аналог в русском языке — «канава». Арыки могут быть широкими и глубокими, узкими и мелкими. Функция арыка — ирригационная, поливочная. «Но главная особенность ташкентских улиц — чего ни в одном городе я больше не встречала — это арыки», — заключает героиня-повествователь «ташкентского» романа Рубиной [Рубина 2006: 173]¹. По арыку бежит вода, все дороги, большие и малые, магистральные и дворовые, со-

¹ Фоном и «аргументацией» Ташкента Мелетинского будет служить проза Д. Рубиной, в частности ее «ташкентский» роман «На солнечной стороне улицы», структура которого воссоздает благодаря безымянным голосам «лицо» Города, а также собственно воспоминания настоящих и бывших ташкентцев.

провожены параллелью арыков: дорога, арык, деревья, тротуар — такова последовательность. В летнее время доброхоты поливают из арыков ведрами дворы и дорожки между домами. Проводить время у арыка — значит, быть «уличным» ребенком — такова мифология повседневности: «Моя музыка убивала двух зайцев — оправдывала покупку пианино и, по выражению папы, сокращала мое „арычное“ время» [Рубина 2002: 174]. В «ташкентских» красках нарисована родительская «нотация» отца Мелетинского: «Однажды мы проходили по какой-то ташкентской улице и вели разговор на тему моего устройства, а под забором спал „доходяга“, наполовину свалившись в арык. Отец (один из самых любящих отцов!) произнес, указывая рукой на беднягу: „Оставь свои фантазии. Вот твое истинное место сейчас“» [Мелетинский 1998: 509].

Теплый климат Города стал контекстом, в котором сформировалась ташкентская ментальность: «Солнце — вот что нас спаяло, слепило, смешало, как глину, из которой уже каждый формовал свою судьбу сам. Нас вспоило и обнимало солнце, его жгучие поцелуи отпечатывались на наших облупленных физиономиях. Все мы были — дети солнца. Бесконечное ташкентское лето» [Рубина 2006: 222]; «В Ташкенте как-то было... легче жить... Мы меньше боялись... Может, солнца было много, а в нем ведь, как теперь выясняется — серотонин содержится, да? — ну, тот гормон, что лечит страх, облегчает сердце» [Рубина 2006: 125–126], — вторят Мелетинскому голоса фольклорного «хора» романа Рубиной.

«Все эти трудности [военного периода. — Э.Ш.] в Ташкенте переносить было легче, чем во множестве других мест, куда судьба во время войны забрасывала эвакуированных. В Ташкенте прекрасный климат, всегда синее небо над головой, тепло чуть ли не весь год. В феврале иногда уже цветет урюк. Летом бывает слишком жарко, но жара сухая, легко переносится. Цветущая земля совсем рядом, и кажется не страшным на нее упасть, даже если что и случится» [Мелетинский 1998: 511–512].

Тепло, жара — отсюда неспешность, играющая не последнюю роль в типе национального поведения: вот фрагмент «сиесты по-узбекски»: «Сидим с ребятами в пивной „Коинот“ („Космос“), возле Дома кино. Ждем очень долго официанта с заказом, его все нет. Наконец ловим проходящую посудомойку: „Позовите, пожалуйста, нашего официанта, его зовут Миша“. Она уходит. Возвращается: „Он не может подойти“. — „Почему?“ — „Он телевизор смотрит“» [Инф.: Георгий Ш.].

Или «разрешение» конфликта, спровоцированного жарой, на русско-узбекском языке повседневности: «Еду в такси. Жара такая, что плавится асфальт. У таксиста под воротничком ру-

башки засунут носовой платок — хоть выжимай. Подъезжаем к перекрестку Шастри — и подгадываем как раз на красный свет. У моего водителя вырывается из самой глубины души стон, потрясающий своей искренностью:

— Э-э, б...ь! Вот на х... здесь в такую жару — светофор?!!

Микроавтобус на конечной остановке в старом городе. Набит уже, как бочка селедкой, но водитель не трогается с места, надеется набрать пассажиров еще больше. Духота невыносимая, люди при последнем издыхании. У одного парня сдают нервы:

— Ты, гандон! Ты долго еще стоять будешь?!

Водитель, знамо дело, отвечает в том же тоне, начинается перебранка.

Тем временем сидящая рядом пожилая опа¹, как и все, истомившаяся от жары и ожидания, решает примирить мужчин и умильно обращается к водителю:

— Гандонджан², ну правда, поехали уже...

Одним словом, как говорят наши местные братья, — чилля³ пришел...» [Инф.: Медора Б.].

Е.М. Мелетинский не мог обойти своим вниманием такой городской феномен, как базар. Базар как таковой, присутствуя в любом городском пространстве, представляет собой место торгова, розничной продажи, не обязательно являясь характерной, знаковой чертой городской культуры. Например, слово «ярмарка» не семантизировано как немецкий образ мира, а слово «рынок» не характеризует русскую картину мира. А вот базар восточный — это один из национальных знаков как в реальном пространстве, так и в пространстве словесности: записки путешественников, фольклорные сказки, средневековая литература о том свидетельствуют. Базар — это «дело у ворот»: базарная площадь в древности находилась не внутри городских стен, но вне их, рядом с воротами в город — таково первоначальное значение слова «базар»⁴, заимствованное у неиранских и несемитических языков Передней Азии [Бартольд 1998: 34]. Помимо собственно торгового процесса, на базаре узнавали о

¹ Опа — старшая сестра, традиционное обращение к женщине, или, в русской речи, женщина-узбечка.

² -джан — уменьшительно-ласкательный суффикс в узбекском языке.

³ Чилла/чилля — пик летней жары, сорокадневье: с 25 июня по 5 августа.

⁴ В повседневном словесном дискурсе европейской части России (кроме юга) слово «базар» имеет явно негативную коннотацию; то нейтральное значение, которое слово имеет на Востоке, в современной России придают слову «рынок», а слово «базар» наделяют семантикой «второго» смысла: беспорядка, «нецивилизованной» торговли, бандитских разборок. Хотя в смысловом отношении слово «базар» — как место и дело торговли — более органично и исторично.

новостях, здесь заключались сделки, рождались и распространялись сплетни, сочинялись невиданные истории, вошедшие впоследствии в фольклорный нарративный пласт. Именно это имеет в виду Мелетинский в таком фрагменте своего «Ташкента»: «Из случайных разговоров на Карасуйском базаре мы узнали, что недавно еще в Карасуйском военкомате работал некий Лева, который за деньги мог добыть не только военный, но и „белый“ билет» [Мелетинский 1998: 508].

Помимо Карасуйского базара, Мелетинский упоминает и Госпитальный — один из старейших в Ташкенте: «О фронте и превратностях войны напоминали инвалиды и бесконечные гадалки и гадалки, сидящие в ряд около Госпитального базара. Я хорошо помню слепого (потом как-то выяснилось, что он вполне зрячий) с попугаем, вынимавшим билетики. Гадали все больше о пропавших без вести, и одна из гадалок все время рисовала кружочек на песке, дескать, попал в окружение. Клиенты гадалок верили им беззаветно. Группы инвалидов перегораживали тротуар у входа на базар и требовали на водку. „Не пройди, товарищ!..“ — звучало довольно угрожающе» [Мелетинский 1998: 512]. Госпитальный базар — так его называли в советское время, а ныне Мирабадский — возник в XIX в., когда на территории Туркестанского военного округа происходили военные действия, и там, где располагался базар времен Мелетинского, в XIX в. был сформирован госпиталь для лечения солдат. Базары на Востоке возникали стихийно и самостоятельно, без указаний городской управы: там, где было выгодно и удобно продавцам и покупателям. Здесь, рядом с госпиталем, и случился базар — Госпитальный, или Госпиталка.

О том, что базар — визитная карточка Ташкента, свидетельствует такая история: «И.С. Николаев¹ мне рассказывал: проезжал кортеж с бельгийской принцессой мимо Фархадского базара². Она велела остановить машину: „Очень вкусно пахнет. Что это?“ — „Это шашлык“. — „Я хочу его попробовать“. — „Что Вы, Ваше величество, мы сейчас приедем в резиденцию, Вас прекрасно обслужат!“ — „Нет, остановите. Я хочу именно здесь“. Базарком³ забегал. Принцессу обслужили по высшему ранжиру на базаре, у ворот» [Инф.: Валентина Л.].

В ряду символических реалий Ташкента Мелетинский называет плов — это сакральное блюдо Востока, множественные ре-

¹ Николаев Ипполит Семенович (1926–2006) — в 1970-е гг. чиновник одного из подразделений Совета министров УзССР, в 80-е гг. — проректор по науке Узбекского республиканского педагогического института русского языка и литературы (РПИРЯИЛ).

² Один из многочисленных базаров Ташкента.

³ Базарком — директор рынка.

цепты приготовления которого входят в разные ритуалы «перехода»: рождения, свадьбы, поминок¹.

Так как у Елезара Моисеевича были проблемы с документами после освобождения из тюрьмы, в городе он поселиться не мог, сердобольные сослуживцы помогли ему устроиться в тогдашнем пригороде Ташкента (ныне городской микрорайон) — Карасу. Название происходит от имени речки: в переводе с узбекского — Черная вода. В военное и послевоенное время это было место для всякого рода маргиналов, шпаны, а также депортированных с Дальнего Востока корейцев². (Помимо научной, творческой и культурной элиты в Ташкент стекалась и голь перекатная в поисках «хлеба насущного», город-то «хлебный», а также тысячи депортированных по этническому принципу, брошенных в степи: выживавшие подтягивались к окрестностям Ташкента, а потом и в сам город.) «Я <...> должен был жить на „злачном“ Карасу», — вспоминает Мелетинский [Мелетинский 1998: 510]. «Я снимал угол у одной бабы, работавшей в Карасу в службе небольшой колонии для уголовников. Ее сын был когда-то вождем местной карасуйской шпаны, бегал от военного призыва, но был пойман и отправлен на фронт, воз-

¹ О том, как специфически принято угощать на Востоке пловом, красноречиво повествует А. Волос: «Самый старший за столом начинает всем по очереди делать оши ту — берет вот так в ладонь плов, да?.. (Макушин заворожено кивнул, следя за тем, как Фазлиддин Ходжаевич, словно руководствуясь инструкцией ученого секретаря, и в самом деле запустил пятерню в маслянистую горку риса.) Немножко его вот так сминает, да?.. — торопился секретарь, — раньше, говорят, на пирах у беков неугодным гостям сюда еще одну такую особую баранью косточку закладывали... говорят умные люди, что бог специально ее создал для таких случаев... видите, как?.. да, закладывали такую маленькую косточку, чтобы гость наверняка подавился и умер... о, беки такие дела делали!.. вот... и гости все по очереди открывают рот... — Фазлиддин Ходжаевич поднял на Макушину взгляд холодных черепаших глаз, заноса руку так, словно хотел швырнуть содержимое горсти ему в физиономию; Макушин, продолжая польщенно улыбаться, покорно раззявился. И — р-р-р-аз! Ладонь Фазлиддина Ходжаевича змеиным броском залепила рот. Макушину показало, что в глотку вогнали кол — плотный кляп риса, моркови и нескольких кусочков мяса подействовал на него примерно как удар казаном по голове» [Волос 2000: 107], а также Рубина: «Однажды посадили меня за большой дастархан, плов есть. А я возьми да и попроси ложку. Моя подружка Насиба рассердилась: „Ты что, плов есть не умеешь?“ Плов полагалось есть руками, сложив пальцы горстью и подгребая помаленьку к себе. Освоить это искусство — не ронять ни рисинки — было не так просто, но необходимо: вдруг позовут на свадьбу или на угилтой — обрезание, а ты плов есть не умеешь? И брезгливость надо отбросить за ненадобностью, если хозяин решил угостить тебя со своей собственной руки. Как говорил наш сосед, дядя Рахматулла: „Кизимкя, кушай, мусульманский рука чи-и-истий!“» [Рубина 2006: 177].

² Из рассказа депортированного: «В 1937 г. по решению партийного руководства всех корейцев депортировали с Дальнего Востока. Правовой основой для закрепления данного решения послужила угроза японской агрессии. В Узбекистане корейцы появились уже второй волной — из Казахстана. Первоначально люди жили в землянках, бараках, шалашах. По воспоминаниям старых людей, это были необжитые местности, где бродили дикие звери: шакалы, лисы. В „корейском вопросе“ Узбекистана есть две стороны: лицевая — узбеки радушно относились к корейцам. Они увидели в них трудяг, работяг; их воля к жизни и стойкое трудолюбие поразили узбеков. Однако есть и обратная сторона: Узбекистан — единственное государство в постсоветском пространстве, которое не приняло акта о насильно переселенных народах (в отличие от России и Казахстана). По сведениям и переписям населения за 1983 г., в Узбекистане по сравнению с другими советскими республиками было больше всего корейцев (350 тыс. чел) — это официальные сведения, на самом же деле в Узбекистане тогда было не менее 500 тыс. корейцев» [Инф.: Чангир Х.].

можно, в штрафную роту, где очень скоро погиб» [Там же: 509]. Высокая концентрация «криминала» в Карасу была одной из причин облав на *стовосьмых*¹. Мелетинский вспоминает: «Однажды вместе с аспирантом З. Гершковичем я действительно попал-таки в облаву. <...> Другой раз меня захватили ночью на Карасу. Я не мог предъявить проверке не только военный билет, но даже и паспорт, ибо из осторожности хранил его в городе у знакомых. Облава производилась на местную шпану, и милиция пришла в дом к моей хозяйке — тете Кате. В поисках ее сына, забывши, видимо, о том, что его уже давно поймали и отправили на фронт, где он успел погибнуть от немецкой пули. Но, обнаружив беспорядок в моих документах, мною они тоже заинтересовались и привезли в милицию. После очень беглого допроса по моему адресу уже говорили, качая головами: „Какие еще люди есть у нас на Карасу! Ай-яй-яй...“, имея в виду — какие страшные люди, пришедшие из тюрьмы, без нормальных документов... Было ясно, что Карасу нужно срочно очищать от таких людей» [Там же: 510–511].

«Тепло в Ташкенте, очень теплый климат. С февраля к нам сползлась уголовная шпана со всей простертой в холодах страны» [Рубина 2000: 224] — под эту ташкентскую парадигму вполне подходил и Мелетинский, будущий ученый с мировым именем.

Местом филологической «тусовки» была балетная школа (она носила имя Тамары Ханум). «Так и звалось в просторечии это общежитие — „Тамара Ханум“. Огромный зал был разделен на отсеки — „пеналы“. Поживившиеся Серманы получили отдельный „пенал“. В соседнем жила Нина Сигал². Было и еще

¹ Стовосьмые — написание порядкового числительного — сто восьмой, но в случае с ташкентским эндемиком именно так: стовосьмой (эндемики — слова, характерные для данной местности, отдельного этноса, предназначенные для «внутреннего пользования», не имеющие широкого хождения). Так называли и называют до сих пор маргиналов-экстремалов: бомжей, пьяниц, проституток; также этот эпитет употребляется в качестве негативного в любом другом контексте — значит, «плохой»: стовосьмое кафе, стовосьмые туфли, стовосьмой дом и пр. Удивительную жизнь проживают некоторые слова. Стовосьмой — из этого ряда: опрошенные информанты из ташкентцев (от 30 лет и старше) — все знают его фольклорную семантику, правда, ташкентские москвичи, или московские ташкентцы, удивляются, узнавая, что слово это, его ташкентская коннотация в России неизвестны. А семантический «кульбит» слова «стовосьмой» имеет следующий генезис: в Уголовном кодексе Узбекской ССР (в течение 1946–1954 гг.) была статья 108, она гласила: «Повторное нарушение правил прописки паспортов и заменяющих их документов влечет за собою принудительные работы на срок до шести месяцев или штраф до пятисот рублей. Проживание в местностях, где введена паспортная система, лиц, не имеющих паспорта или временного удостоверения и подвергшихся уже административному взысканию за указанное нарушение, влечет за собой лишение свободы на срок до двух лет» [УК 1946: 42; УК 1954: 44]. «Классическая» логика между статьей и семантикой слова «стовосьмой» отсутствует, налицо — иная, фольклорная логика: «Он рухнул рядом на диван, сграбастал ее, стиснул. <...> — Дура стовосьмая!» [Рубина 2006: 389], — это говорит, с долей иронии, влюбленный мужчина своей избраннице. В публикациях УК УзССР после 1954 г. такой статьи уже нет, а слово продолжает жить

² Нина Александровна Сигал (1919–1991) — впоследствии Жирмунская (жена академика В.М. Жирмунского), литературовед, переводчик.

несколько таких же узких отсеков, и когда я входил и стучал в дверь, мне отвечали сразу все» [Мелетинский 1998: 514–515]. Тамара Ханум, она же Тамара Артемовна Петросян (1906–1991), — узбекская танцовщица, певица, балетмейстер; участница первой Всемирной выставки народного декоративного искусства в Париже (1925), организатор студии этнографических танцев, стала мифологической фигурой не только в Ташкенте, но и на всем советском пространстве¹. Из фольклорного нарратива: «Тамара Ханум — это узбекская „Пугачева“, или Ходжа Насреддин в юбке. В 70 с лишним лет она выглядела молодой женщиной, ходили фантастические слухи о косметических масках Тамары Ханум» [Инф.: Zimmermann].

Люди², местные и эвакуированные, климат, менталитет, «серотонин», чудо — словом, «город хлебный» повернул все так, что Е.М. Мелетинскому удалось устроиться на работу в Ташкентский университет (тогда САГУ — Среднеазиатский университет) и продолжить свои научные исследования. Но защититься было не так просто: «В день защиты (16³ мая 1945 г., опять шестнадцатое число!) уже на заседании Ученого совета, когда все было готово к проведению защиты, декан⁴ сделал заявление,

¹ Образ Тамары Ханум тиражировался в фольклоре повседневности; вот распространенный среди школьников 1970-х узбекско-русский ремейк басни Крылова, имитирующий, для придания комизма, русскую речь узбеков: «Один несчастный, мокрый стрекозешка / Ползет к трудолюбивой муравьешка: / — Муравьешка, Муравьешка, / Бир менга кусок ляпешка!.. [Дай мне кусок лепешки. — Э.Ш.] / Муравьешка отвечал: / — Ты все лето пел? / — Пел. / — Танцевал? / — Танцевал. / — Чайхана сидел? / — Сидел. / — Ляпешка кушал? / — Кушал. / — Тамар-Ханум слушал? / — Слушал. / Так теперь иди — / Ансамбль Моисеева пляши!» [Инф.: Zimmermann].

² Писатель В. Арро описывает свое удивление открытостью и радушием ташкентцев, когда впервые попал в Город сразу после землетрясения 1966 г.: «Проснулась моя старая тоска по искренним дружеским отношениям, которые почему-то здесь, в Ташкенте, проявляются при каждом новом знакомстве, а в моем родном городе обходят меня стороной» [Арро 2002: 23].

³ 16 день месяца (любого), по словам Мелетинского, был мистическим для него: арест, освобождение и др.

⁴ Владимиров Георгий Петрович — декан филфака ТашГУ (в 40–80-е гг. XX в.). В рассказе другого очевидца он предстает несколько иным, в результате, вместе с воспоминаниями Е.М. Мелетинского, получился достаточно полный портрет: «Георгий Петрович Владимиров руководил кафедрой русской литературы на протяжении многих лет. В республике он был очень известным человеком: как главный редактор крупнейшего в Средней Азии общественно-литературного журнала „Звезда Востока“, он занимал какие-то партийные посты в обкоме или даже в ЦК. На факультете его слово было главным, ни декан, ни другие не могли соперничать с ним по уровню авторитетности. В 70-е гг. он был очень занятым человеком и кафедрой занимался мало, передоверив все текущие дела нескольким заместителям, среди них официальные функции выполняла Л.И. Левина, а неофициально этим занималась также М.М. Саксонова. Диссертацию он защитил в свое время по творчеству Фурманова (которого, конечно, трудно назвать писателем), лекции по курсу теории литературы читал скучно, по бумажкам, филологом был, прямо сказать, никаким, но руководителем, как ни странно, хорошим. Наверно, главная причина этого в том, что он был не мелким человеком, а наоборот, по-своему крупной личностью. Он никогда не самоутверждался на своих подчиненных, был снисходителен к их слабостям и недостаткам, терпеливо сносил выходки молодых и успокаивал старших. Вообще его главным принципом было всеобщее согласие, он очень хотел, чтобы на кафедре был лад, и старался всех умирить. Он, безусловно, имел связь с „органами“, иначе и быть не могло, с людьми на таких крупных постах по-другому не бывало. Но он был, что называется, „честным партийцем“, партийным принципам следовал, не рассуждая и не

что хотя сама моя диссертация хорошая и не вызывает сомнений, но деканат смущает то, что я не веду общественной работы (!), а во время пребывания „на хлопке“ <...> завел склоку со студентами <...> что я еще не показал себя как „активный товарищ“. На основании этого заявления защита была отложена» [Мелетинский 1998: 516].

Болевшие за Мелетинского коллеги «почти силой назначили [его] бригадиром на субботнике по уборке мусора (!) в сквере перед САГУ» [Там же: 517], после чего защита благополучно состоялась.

Упомянутый Мелетинским «сквер» (в советское время — «Сквер Революции», в XIX в. он назывался официально Константиновским — в честь брата Александра II Константина Николаевича, или в просторечии Кауфманским — по фамилии генерал-губернатора) — значимый локус Ташкента, его центр (филфак САГУ находился совсем рядом) и одновременно «карнавальный» знак города.

В 1913 г. в центре сквера был установлен памятник первому туркестанскому генерал-губернатору К.П. фон Кауфману. После революции его убрали и вплоть до конца 40-х гг. на это место то водружали знамя, то ставили постамент с серпом и молотом. К юбилею вождя, т.е. в 1949 г., на том же месте встал Сталин. После XXII съезда КПСС Сталина сменила стела со словами из новой Программы КПСС на двух языках: ее прозвали «русско-узбекским словарем». «Помню, там были все эти советские „сакральные“ слова: мир, братство, равенство и пр. на двух языках. Все говорили: встретимся у словаря» [Инф.: Татьяна М.].

подвергая их сомнению. (Один пример. Во второй половине 80-х, в период, так сказать, „сухого закона“ умерла его жена. В это время он уже лишился всех постов и оставался на кафедре только в качестве профессора. Один из членов кафедры, помогавший в организации похорон, спросил его, сколько закупить вина для поминок, которые проводились дома. Он ответил, что вина не нужно совсем, раз такая партийная установка.) Он привык подчиняться, между прочим, хорошо знал законы и был очень законопослушным человеком. Важнейший момент. На фоне многочисленных руководителей всех рангов, которые вели себя как настоящие баи, он был редким исключением: никогда не использовал своих аспирантов или членов кафедры в своих интересах или для каких-то личных поручений (что с другими случалось сплошь и рядом), был абсолютно кристально чистым в плане всевозможных подарков, а тем более скрытых взяток, вел себя предельно демократично, в частности, никогда не повышал голоса на подчиненных. Очень любил свою семью, ценил жену, хорошо было видно, что он очень заботливый муж и отец. Две его дочери (обе филологи) выросли образованными и хорошо воспитанными, в них никогда не было и тени высокомерия или снобизма, а ведь это тоже своеобразный показатель. Пропитанный „партийностью“, он, как это ни удивительно, был по-настоящему демократичным руководителем: всегда готов был прислушаться к чужому мнению и изменить свое решение, если его смогли переубедить. Может быть и даже наоборот, у кого-то остались совершенно другие впечатления о проф. Владимирове, но в моих воспоминаниях его портрет именно таков. Психологическая атмосфера на кафедре в 70–80-е гг. была сложная, а временами даже очень тяжелая, но Георгий Петрович вспоминается с теплыми чувствами и с уважением» [Инф.: Татьяна М.].

В 1968 г. на этом месте был установлен памятник Карлу Марксу. В 1995 г., в эпоху самостоятельной государственности Узбекистана, в центре сквера встал Амир Тему¹, или Тамерлан. Вокруг кого/чего убирал мусор Е.М. Мелетинский? Вероятно, если бы это было что-то персонифицированное, Елеазар Моисеевич не смог бы забыть. Но сохранился фольклор о памятниках в сквере последних десятилетий: о Марксе и Темуре. Приведем некоторые отрывки из фольклорных нарративов, так как «дух», «атмосфера» этого ташкентского сквера удивительно постоянны и символичны и были известны Мелетинскому. «В семидесятые говорили: „В какую сторону на Сквере ветер дует?“ — „Туда, куда смотрит борода Карла Маркса“» [Инф.: Медора Б.]. Памятник называли головой лохматого Карлы, «Карл Маркс вылетел в трубу» [Инф.: Zimmermann], просто — Карлой; факелом ташкентских проституток, или стовосьмых, сквер был их «точкой»: «Идти пешком через Сквер, мимо дурацкой, как клубень картошки, отсеченной башки Карла Маркса на высокой мраморной колонне, мимо длинных скамеек, на которых поодиночке и по двое-трое сидят „стовосьмые“, перекинув ногу на ногу так, чтобы видна была цифра², нарисованная на подошве туфли...» [Рубина 2006: 229]. «Скверная» девочка — это слово в Ташкентском тексте имело дополнительную коннотацию.

Новые времена сменили направление «ветра», но суть осталась прежней: «сотворение кумира»: «Там, где некогда развеялась борода Карла Маркса, ныне зрителя радуют исполинские яйца коня Сахибкирана³. Памятник дважды переделывали: то Тему¹ слишком откровенно хромой, одна нога короче, то задница (читай яйца) коня кому-то из отцов города показалась слишком большой. С тех пор выражение „назначить свидание под яйцами“ стало крылатым, поскольку все мы ab ovo» [Инф.: Медора Б.].

«После того, как поставили памятник Темуре, он стал символом власти. Приходит как-то мой коллега, прослушав радиопрограмму для детей, и говорит, что о Темуре вещают как об отце: если печаль — приди к Темуре, радость — поделись с Темуром. — Интересно, как бы к этому отнесся сам Тему¹, — говорит он. — Видимо, теперь прежних пионеров сменят новые тЕмуровцы, — ответила я» [Инф.: Инна Ф.].

¹ Традиционное для русского языка написание имени «Тиму¹» в эпоху самостоятельности Узбекистана сменилось на «Тему¹».

² Такса за услуги.

³ Сахибкиран — почетное прозвище, присвоенное средневековыми учеными и поэтами Чингизхану, Темуре и шейбаниду Абдулле-хану. Слово «сахибкиран» состоит из двух: сахиб (господин) и киран (соединение), что значит сближение двух небесных светил в одном знаке Зодиака.

Современный анекдот: «Собрал великий Амир Тему́р узбекских мореплавателей и отправился в дальний поход — открывать новые земли. День плывут отважные узбеки, два... вдруг страшный шторм накрывает корабль: смывает карты, приборы. Но храбрецы выжили. И собрал их Амир и сказал: „Тому, кто первым увидит землю и спасет нас, отдам пол-Ташкента и дочь в жены“. И встали по бортам узбеки и начали всматриваться вдаль. И показалось одному, что увидел он далекий берег. И бросился он в ночи с криком: „Амир-ака, Амир-ака!!!“ С тех пор земля эта называется АМЕРИКА!» [Инф.: Алевтина Ш.]

Кандидатская диссертация Е.М. Мелетинского, защищенная в Научно-исследовательском историко-филологическом институте при САГУ, — «Романтический период в творчестве Ибсена»; здесь же созревала его первая книга «Герой волшебной сказки», вышедшая в 1958 г., ставшая раритетом (только в 2005 г., незадолго до смерти Елеазара Моисеевича, она была переиздана). Елеазар Моисеевич читал лекции студентам Ташкентского университета по западной литературе: Возрождение, Средние века, XVII—XVIII вв.

За три года пребывания в Ташкенте Мелетинский претерпел весь «джентльменский» набор вузовских испытаний, в частности «хлопок». Выезд на сельскохозяйственные работы каждую осень (эта «экзакуция» порой растягивалась почти на три месяца: начиналась с жары и еще не заканчивалась со снегопадами и морозом) был дамочным мечом для студентов, аспирантов, преподавателей. Все старались «косить», но не всегда и не всем это удавалось: административный нажим был жестким, вплоть до исключения. (Этот «пленер» продолжался до конца 1980-х гг.) Условия проживания в полях/степях были чудовищными: привозная вода, антисанитария, бараки, продуваемые ветрами, и весь день в поле, где надо было выполнить установленную (совхозом совместно с деканатом) «норму». Многие студенты не выдерживали: пускались в бега, их отлавливали, возвращали или исключали из университета. Зато студенческий фольклор цвел буйным цветом: «переделку» песни Юза Алешковского (1959) исполняло не одно поколение филфаковцев Ташкентского университета, правда, тогда, в советский период, слыхом не слыхивавших об Алешковском:

Товарищ Зинин¹, вы большой ученый —
В языкознании знаете вы толк,
А я простой хлопковый заключенный,
И мой товарищ сырдарьинский² волк!

¹ Замдекана филологического факультета (начало 1970-х гг.), преподававший языкознание: аллюзия на работу Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

² Сыр-Дарья — область, где чаще других находились студенты на «хлопке».

Зачем я здесь — я сам еще не знаю,
 Но в ректорате, видимо, правы,
 И вот сижу я в Сыр-Дарьинском крае,
 Где раньше, может быть, сидели вы!

Вчера вы выгоняли двух студентов
 Стипендии карающим мечом:
 Один из них ташил с хирмана хлопок,
 Другой, как оказалось, ни при чем.

Живите ж тыщу лет — желаю робко,
 И как бы трудно не было б здесь мне,
 Я знаю: будет очень много хлопка
 На душу населения в стране!

К сожалению, Ташкентский университет не хранит памяти о столь знатной и знаковой для науки личности, как Е.М. Мелетинский: сомневаюсь, что и студенты современного филфака ТашГУ (да, собственно, и его уже нет) вряд ли знают, что в их стенах когда-то обитал великий ученый.

Труды Е.М. Мелетинского, в частности «Поэтика мифа» (1976), его проект — двухтомная энциклопедия «Мифы народов мира» — и многие другие работы стали классикой фольклористики. Не случись на пути Елеазара Моисеевича «Ташкента» — как бы сложилась его жизнь? «Это многое определило в моей последующей судьбе», — подводит итог своему «Ташкенту» Мелетинский.

Теперь я всех благодарю,
 Рахмат и хайер говорю...
 <...>
 Рахмат, Ташкент! — прости, прости,
 Мой тихий древний дом.
 Рахмат и звездам, и цветам...

[Ахматова 1990: 47].

Так, как бы за всех причастных к этому Городу, попрощалась с ним Анна Ахматова.

Список информантов

Zimmermann Elena, 1959 г. р., живет в Германии, по образованию журналист.

Алевтина Ш., 1965 г. р., живет в Москве, по образованию филолог.

Валентина Л., 1939 г. р., живет в Ростовской области, по образованию филолог.

Георгий Ш., 1981 г. р., живет в Ташкенте, «технар».

Инна Ф., 1949 г. р., живет в Германии, по образованию филолог.

Медора Б., 1950 г. р., живет в Ташкенте, по образованию филолог.

Татьяна М., 1953 г. р., живет в Калининграде, по образованию филолог.

Чангир Х., 1931 г. р., живет в Ташкенте, по образованию учитель русского языка и литературы.

Библиография

Арро В. Дом прибежища // Звезда. 2002. № 4.

Ахматова А.А. Отрывок // Ахматова А.А. Сочинения. М., 1990. Т. 2.

Бартольд В.В. Культура мусульманства. М., 1998.

Волос А.Г. Хуррамабад. М., 2000.

Ерофеев В.В. Москва — Петушки. М., 1990.

Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания / Отв. ред. Е.С. Новик. М., 1998.

Неверов А.С. Ташкент — город хлебный. М., 1961.

Рубина Д.И. Дом за зеленой калиткой. М., 2002.

Рубина Д.И. На солнечной стороне улицы. М., 2006.

Рубина Д.И. Последний кабан из лесов Понтеведра. СПб., 2000.

[УК 1946] Уголовный кодекс Узбекской ССР по состоянию на 1 сентября 1946 г. Ташкент, 1946.

[УК 1954] Уголовный кодекс Узбекской ССР по состоянию на 1 ноября 1954 г. Ташкент, 1954.